

ВДОВЫ СОЛДАТСКИЕ

Солдатские вдовы, солдатские матери... Как бы ни хотелось о них сказать помягче, не берeditь их затянувшиеся раны, не тревожить воспоминаний прошлого, но сказать правду о их нелегкой послевоенной судьбе все-таки приходится.

Поводом к статье будем считать прошедший 10 марта 1992 года вечер-встречу солдатских вдов поселка Рудничного с руководителями поселкового Совета, советов ветеранов Рудничного поселкового Совета, Богословского рудоуправления и инициативной группой «Поиск».

«НАШ ШЕСТИЧАСОВОЙ 41 ГОДА»

Пятьдесят жарких летних годов пролетело, пятьдесят холодных зим миновало, а из головы до сих пор не выходит тот день, когда на станции Красный Железник раздался прощальный тревожный гудок подошедшего поезда, и толпа провожающих, встревоженная им, одним махом высыпала, как выпала из вокзального зала на перрон.

Это ауэрбаховские мужчины уходили на войну. Это родные и близкие провожали их.

Мгновенно опустел только что битком набитый вокзал, замолк, обезлюдел, как неживой, стало холодно в нем.

На проводы отцов, мужей, братьев, просто знакомых односельчан собирались целыми семьями, все от мала до велика. Возле вагонов сразу возникла сутолока. Слезы, прощания, последние наказы. Мужья прощались с женами, обнимали детей. Те и другие наспех пытались высказать друг другу самое-самое, только необходимое. Кто-то давал отъезжающим напутствие на дорогу, а те наставляли остающихся дома. Со стороны трудно было ухватить, выделить из этого что-то цельное среди шума, слез, спешки (одну минуту стоял поезд на нашей станции). Но друг друга и без слов понимали, хотя слезы застилали глаза, душили, сжимали горло.

«Береги себя, пиши!» – это в вагон.

А из окна вагона: «Мотри, Панька, жди, приду, разберусь, сама знаешь! Не выходи замуж!...».

«Мать, – кричал другой, пожилой, – не жалеи вещи, продавай, корми ребят!»

Олега Игнатьева, молоденького новобранца, провожала мать. Он у ней был один, так же как и она была у него одна. Воспитывался без отца. Только-только пошел работать на шахту «Капитальная».

«Мам, не плачь, напишу я, жди, мама, приду», – кричал Олег...

А между тем время не стояло на месте, станционный колокол отзванивал отправление и, пыхтя парами, паровоз начал медленно трогаться с места, лязгнули буфера, застучали по рельсам колеса, а люди, ухватясь за поручни вагонных дверей (словно могли задержать движение), сначала шли рядом с вагоном, затем ускорили шаг и, наконец, побежали, потом отрываясь от него, отставали. Состав набирал скорость. Смолкало стучанье колес, за поворотом в перелеске скрывался последний вагон. Так уходил с Красного Железняка ежедневно в 16.00 по московскому времени поезд № 46 (мы называли его «шестичасовым»), ходили к нему каждый вечер, не одни, так другие, как, скажем, эта традиция и сейчас живет на многих небольших станциях, полустанках и разъездах. И на станции Красный Железник – тоже.

По перрону обратно не шли, а тяжело переставляли ноги, брели сразу уставшие люди молча. Разговаривать было, вроде, не о чем, нужных слов не было. Поезд ушел. И долго еще звенел в ушах свисток уходящего паровоза, стоял чеканный стук вагонных колес, да одиноко светились окна пустого, словно осиротевшего вокзала.

Пятьдесят лет прошло, а память не отпускает...

«НЕ ВЫХОДИ ЗАМУЖ!»

Так, как и другие, проводила Павла Васильевича Нецветаева его жена Паня, мать четырех детей. Это ей кричал он из вагона: «Не выходи замуж!». Она и не выходила. А он не вернулся...

Жили они тогда в маленьком поселке Дмитровке Рудничного поселкового Совета, где было всего 18 домов. Из всех восемнадцати мужчины ушли на войну (Суслов, Лумпов, Киселев и другие золотари). Уходил с ними и рабочий ЮЗПУ – кузнец Павел Нецветаев.

Паня наизусть помнит его письма: вот он три с половиной месяца изучает пулемет в небольшом провинциальном городке Ирбите, готовится к боям. Писал из Кировградской области. Еще: «Проезжаем станцию Лихую, город Кременчуг, город замаскирован, нигде ни огонька». В солдатском треугольнике от 19 января 1942 года: «Идем в бой. Не падай духом, расти детей». Совсем мало о себе. На этом переписка окончилась. Писем больше не было, ее письмо вернулось обратно. Лишь в архиве Серовского ГВК значится: «Нецветаев П. В. пропал без вести в Отечественной войне в апреле 1942 года».

Паня во время войны работала на драге (ЮЗПУ), техничкой в клубе, в детском саду, рассыльной. На Парковой, 16-5 в поселке Белка коротает свои невеселые денечки одинокая солдатская вдова Прасковья Ивановна Нецветаева. Ей 85-й год.

ПЯТЕРЫХ ВОСПИТАЛА ОДНА

Мария Егоровна Салангина шагнула в девятое десятилетие своей нелегкой жизни. Но она помнит хорошо те далекие годы войны, охотно рассказывает о муже, о себе, о детях. И сейчас, спустя полвека, вспоминает вздыхая, как осталась с пятью детьми после мужа, а в апреле 42-го он погиб в боях. Младшему ребенку еще и года не было. Сразу осиротела вся семья.

Работала в мехцехе БРУ, в госпитале вплоть до его эвакуации в другую местность. Далее – в хлебопекарне, столовой. Жизнь Марии Егоровны прожита в заботах, в труде.

Теперь дети взрослые. Даже Саша, который самым маленьким остался без отца, сам уже дед, продолжает работать на шахте «Северопесчанская».

Как неумолимо мчится время! Мужу было 33, а Марии Егоровне – 30. Расстались молодыми. А сегодня...

ДЕВЯНОСТОЛЕТИЕ

I. Поломина Елена Львовна, проводив мужа на фронт, жила с детьми, работала в колхозе «Северное сияние» (позже в совхозе) на сезонных работах. Из четырех детей старшей Маше – 18 лет, брату – 15, сестрам – 12 и 1,5 года.

«Войну выжили, – пишет Маша, – дети обзавелись семьями, мама помогала нянчить внучат. С 1970 года мама живет со мной в благоустроенной квартире. Болят у мамы ноги, еле ходит по квартире, гипертония, склероз и другие болезни. Но жизнелюбива, оптимистка, любит читать газеты, журналы, книги, любит смотреть телевизор. Ее любимые передачи «Международная панорама», документальные, художественно-публицистические фильмы. Любит слушать радио».

Нет-нет, да и всплакнет Елена Львовна, вспомнив Якова Александровича, который, будучи тяжело ранен разорвавшейся миной, не вынес ранения и скончался в эвакогоспитале № 5040 12 августа 1943 года.

Когда Елена Львовна устает, Маша ей читает вслух, громко – мать плохо слышит.

«Бывает, мама что-нибудь вяжет, чинит, шьет. Бывает, лежим, болеем, то одна, то другая, то обе вместе. Вот так держимся», – заканчивает свое невеселое письмо Маша.

3 июня 1992 года Елене Львовне Поломиной исполняется 90 лет. Не забудьте ее поздравить!

II. Здравствуй, дорогая Хатыма. Мы не забыли тот день 1988 года. Это был первый День Памяти солдат поселка Рудничного, погибших на Отечественной войне. Не забыли и тебя. Ведь ты, несмотря на свой возраст и расстояние, приехала на наше приглашение из далекой Караганды, чтобы своими глазами

увидеть тот символ-обелиск, где обозначено и увековечено имя твоего мужа солдата Гиляза Мингазутдинова, да и вместе с нами помянуть в этот день его и его боевых соратников.

Прошло полвека, как ты уехала с Рудничного. И вот тебе на! Телеграмма к нам на рудник. Через столько лет!

«Мама согласна приехать на День Памяти солдат в поселок Рудничный».

Так написала твоя дочь Раиса в ответ на наше приглашение. Даже не верилось в это, хотя мы очень хотели увидеться с тобой, Хатыма, ждали твоего приезда с нетерпением.

А когда зал увидел тебя лично – старенькую, улыбчивую, добрую женщину (ведь тебе в этом году исполняется 90 лет от роду и 50 лет с тех пор, как с тобой нет Гиляза), ну, зал ахнул. Мы усадили тебя на лучшее место, затем я попросила тебя подняться, показала всем, обняла и поцеловала горячо, от души.

Пользуясь случаем, рассказала всем пришедшим и приехавшим, что это за гостя к нам приехала, что ты осталась с пятью детьми, когда 26 августа 1941 года Гиляз ушел воевать, одна воспитала их, подняла на ноги, жила с ними, учила их, все дети вышли в люди. Ну и, конечно, ждала Гиляза. Но не было ничего, ни весточки о нем. 31 августа 1943 года Гиляз в бою под Стаченском погиб. Остался в памяти у тебя тот день, когда ты его провожала на станцию.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Молодые мужья не вернулись с войны. Их юные жены стали пожизненными солдатками, малые дети – сиротами, безотцовщиной.

Как же жили и живут вдовы все эти годы? По-разному. Но нынче в большинстве своем они находятся в бедственном положении, в нужде. Нищета в полном смысле слова сковала, ухудшила и без того безотрадную старость.

Перед новыми ценами этот слой общества оказался незащищенным. Пенсии малы, льгот вдовам кроме продуктовых карточек – никаких. Промтовары купить из-за дороговизны они не могут, да их им и не выделяют. Обносились.

Для чего же на обелисках в городах и селах, конечно, и в Рудничном, на Медной Шахте, в Краснотурьинске намертво, навечно высечено: «Никто не забыт, ничто не забыто!»? Это, конечно, и упоминание о солдатских вдовах. Это укор сегодняшним руководителям тех предприятий, на которых до ухода на пенсию работали вдовы и до 1941 года их мужья.

Работали до упаду, потеряли здоровье на работе, лишились мужей, поднимали детей, в тылу наравне с мужчинами добывали Победу. И преждевременно старились. Обидно!

От просьб, жалоб, заявлений старых людей в некоторых кабинетах отмахиваются. Люди просто не знают, куда им податься, и остаются один на один

со своим горем. Посмотрите, сколько пенсионеров, немощных солдатских вдов, инвалидов сидят и стоят у «парадных дверей» горсобеса – с утра до вечера. Весь коридор заполнен ими. Думаете, удовлетворенными они уходят отсюда? Или возьмем «телефонный вопрос». Не годы, а десятилетия (!!!) вдовам, инвалидам отвечают отказом в установке телефона, объясняют: «точки нет», «кабель не получили», «столбов не бывает». «Да что это за такие неодолимые мертвые «точки» и «столбы», когда и кто решит этот вопрос? И кто сдвинет его с места, кто в городе поможет вдовам? Непробиваемо!» – пишет 90-летняя вдова с Медной Шахты о телефоне, который просит много-много лет. А ведь все же телефоны устанавливают. Кому? Только не этим людям. А решение таких вопросов, как доплата к пенсиям от предприятий, обеспечение топливом, ремонт жилья, бесплатный проезд на транспорте общественного пользования...

Ведь теперь вдов уже не так много, да и не все нуждаются в топливе, ремонте и транспортом они почти не пользуются. Дорого эти услуги стоить будут? Так могут ли их родные предприятия взять заботу о солдатских вдовах на себя?

Ах, если бы их мужья знали, что пришлось пережить женам тогда, и как они, старые, больные, мучаются теперь! И как бы оценили они эти «точки» и «столбы»! Руководители предприятий, не надо забывать солдатских вдов, они и так забыты уже 50 лет.

Весенними водами да зимними вьюгами отшумели те годы... Все так же на том же месте стоит поселок. Не ржавеет любовь к своему поселку жителей. Лишь старятся потихоньку его дома и люди. Давно нет старых школьных зданий, где я учительствовала 50 лет.

Живут в поселке люди, которые знают меня и которых давно знаю я. А на Красный Железняк все так же, как и 50 лет назад, в 16.00 по московскому времени приходит наш «шестичасовой». Поезд № 46. И так же точно стоит здесь одну минуту. По-прежнему его встречают и провожают, заведено так. Но уже другие люди, новая молодежь, не мы!

А провожают не на войну, и встречают не с войны.

А. КОЧЕГАРОВА.

Кочегарова, А. Вдовы солдатские : [судьба женщин поселка Рудничного, не дождавшихся мужей с войны – Прасковьи Ивановны Нецветасовой, Марии Егоровны Салангиной, Елены Львовны Поломиной, Хатымы Мингазутдиновой] / А. Кочегарова // Заря Урала. – 1992. – 23 апр. (№ 46). – С. 2.